

Еженедѣльный журналъ || № 42-й. || 13-го октября 1911 года.

Часть офіціальная.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

29 сентября, псаломщикъ с. Мизова, Ковельскаго уѣзда, Григорій *Ланцъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности.

29 сентября, учитель церковно приходской школы с. Зачернечья, Ковельскаго уѣзда, Николай *Мышинъ*, назначенъ псаломщикомъ въ с. Мизовъ, того же уѣзда.

30 сентября, окончившій курсъ духовной семинаріи Михаилъ *Кнышъ* назначенъ псаломщикомъ къ Георгіевской церкви м. Берестечка, Дубенскаго уѣзда.

30 сентября, послушникъ Почаевской Лавры Василій *Бытачевскій* назначенъ псаломщикомъ въ с. Лопатичи, Овручскаго уѣзда.

1 октября, окончившій курсъ духовной семинаріи Иларій *Радковскій*, назначенъ псаломщикомъ въ с. Хролины, Изяславльскаго уѣзда.

1 октября, учитель ц.-пр школы с. Новостаецъ, Острожскаго уѣзда, Петръ *Вазалійскій* назначенъ псаломщикомъ въ с. Елисаветполь, Староконстантиновскаго уѣзда.

1 октября, псаломщикъ с. Боголюбъ, Луцкаго уѣзда, Николай *Качинскій*, согласно прошенію, переведенъ въ с. Шарлаевку, Изяславльскаго уѣзда.

1 октября, псаломщикъ м. Вышгородка, Кременецкаго уѣзда, Николай *Нарушевичъ* переведенъ въ с. Сновидовичи, Овручскаго уѣзда.

2 октября, священникъ с. Мокляковъ, Новоградволынскаго уѣзда, Павелъ *Александровичъ* отчисленъ отъ сего прихода, а на его мѣсто назначенъ окончившій училище Пастырства священникъ Емельянъ *Кузыкъ*.

3 октября, псаломщикъ с. Деревичъ, Новоград-волинскаго уѣзда, Иларіонъ *Гуриный* переведенъ въ с. Пилипы, Житомирскаго уѣзда, а въ Деревичахъ оставленъ б. псаломщикъ сего села Никандръ *Лобацкий*.

3 октября, надзиратель Житомирскаго духовнаго училища Иванъ *Писаревскій* назначенъ священникомъ въ с. Калиновку, Житомирскаго уѣзда.

3 октября, псаломщики с. Бортнова, Владимирволинскаго уѣзда, Данииль *Рычинскій* и с. Блудова, того же уѣзда, Владиміръ *Вълецкій* размѣщены одинъ на мѣсто другого.

6 октября, псаломщикъ м. Катербурга, Кременецкаго уѣзда, Иларіонъ *Гуриновичъ* уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ безм. псаломщикъ Теодоръ *Богуславскій*.

6 октября, псаломщикъ м. Грицева, Изяславльскаго уѣзда, Ипполитъ *Саковичъ* уволенъ отъ должности.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

При тюремной церкви г. Острога.

Въ с. Кобылинъ, Овручскаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 56 дес. 1375 саж.; прихожанъ 1327 душъ; помѣщеніе есть

б) псаломщическія:

При соборной церкви г. Ровно; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 46 десятинъ 1056 саж.; прихожанъ 926 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Загорцахъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 37 д.; прихож. 1093 души; помѣщеніе есть.

Въ с. Барбаровкѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 41 дес. 1314 саж.; прихожанъ 1440 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Станишевкѣ, Житомирскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 63 дес. 1420 саж.; прихожанъ 1299 душъ; помѣщеніе есть

Въ м. Лишнеvkѣ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 60 дес. 456 саж.; прихожанъ 2337 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Малой-Козаркѣ, Новоградволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 р въ годъ; земли при церкви 38 дес. 1609 саж.; прихожанъ 856 душъ; помѣщеніе строится новое.

Въ с. Плеснѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 39 дес. 1145 саж.; прихожанъ 1108 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Шоломкахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 36 дес. 1662 саж.; прихожанъ 1793 души; помѣщеніе ветхое.

Въ м. Вышгородкѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 110 десятинъ; прихожанъ 1986 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Боголюбахъ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 35 дес. 35; прихожанъ 536 душъ; помѣщеніе ветхое.

При Кременецкомъ Св.-Николаевскомъ соборѣ мѣсто штатнаго діакона (протодіакона Епископа Кременецкаго); жалованья 180 руб. въ годъ; земли при соборѣ 54 дес. 895 саж.; прихожанъ 2038 душъ; помѣщеніе есть. Для замѣщенія сей должности приглашается діаконъ (или свѣтское лицо, имѣющее желаніе принять санъ діакона), обладающій хорошимъ сильнымъ басомъ и музыкальнымъ слухомъ.

Для пробы голоса должно лично явиться въ г. Кременецъ къ Епископу Кременецкому.

Отъ Волынской Духовной Консисто́ріи.

Духовная Консисто́рія симъ объявляетъ, что Волынскимъ Епархіальнымъ начальствомъ выданы книги для сбора добротныхъ пожертвованій въ предѣлахъ Волынской епархіи на постройку и ремонтъ приходскихъ церквей, срокомъ на одинъ годъ:

1) На имя крестьянъ д. Берегелей, Вербо-родинецкаго прихода, Староконстантиновскаго уѣзда, Адама Бидасюка, Карпа Яреско и Ивана Дакалюка,—за № 21737.

2) На имя крестьянъ с. Качина, Ковельскаго уѣзда, Ивана Цимермана, Никиты Лебеда, Емеліана Лебеда и Михаила Гашука,—за № 22835.

3) На имя крестьянъ с. Иршикъ, Староконстантиновскаго уѣзда, Петра Лещука и Матѳея Зайшлаго,—за № 23504.

4) на имя крестьянъ с. Уймы, Локачскаго прихода, Владимирволинскаго уѣзда, Павла Юсифова Ваврищука и Леонтія Яковлева Красовскаго,—за № 23668.

5) На имя крестьянъ с. Вульки Радошинской, Радошинскаго прихода, Ковельскаго уѣзда, Василія Штунюка, Ивана Жабьюка, Меодія Архипчука и Карпа Савчука,—за № 23825.

6) на имя крестьянъ с. Рублянки, Изяславльскаго уѣзда, Григорія Гаврылюка, Матѳея Чернешука и Теодора Петрука,—за № 24110.

7) На имя крестьянъ д. Красновульки, Красносельскаго прихода, Житомирскаго уѣзда, Лаврентія Лопуцюка и Ульяна Мороза,—за № 24393.

Часть неофициальная.

И. С. Никитинъ.

(Къ 50-ти-лѣтію со дня смерти поэта-семинариста).

Литературныя замѣтки и вся вообще такъ называемая „свѣтская литература не часты на страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. У читателей этого органа есть непочатый уголь своихъ специальныхъ вопросовъ, которымъ честь и мѣсто на этихъ страницахъ. О вопросахъ же чисто литературныхъ, свѣтскихъ, они, предполагается, прочтутъ въ иныхъ изданіяхъ, если, добавимъ отъ себя, найдутъ на это возможность и время. Считаясь съ такимъ, по своему — вполне основательнымъ, взглядомъ, мы все же рѣшаемся сказать въ епархіальномъ органѣ нѣсколько словъ по случаю 50-ти лѣтія (16 октября с. г.) со дня смерти поэта Ив. Сав. Никитина.

Въ лицѣ Ивана Саввича предъ нами, прежде всего, поэтъ, воспитанный духовной семинаріей, а затѣмъ, онъ — авторъ „Дневника семинариста“ — произведенія въ духовной средѣ мало вѣдомаго, но въ то-же время довольно интереснаго во многихъ отношеніяхъ.

Отецъ Никитина Савва Евтихievичъ, хотя и числился въ Воронежскихъ мѣщанахъ, но былъ самъ изъ духовнаго званія, торговалъ церковными свѣчами, любилъ религіозное чтеніе и водилъ компанію съ духовенствомъ. Не удивительно, что его единственный сынъ восьми лѣтъ отъ роду (въ 1832 г.) былъ опредѣленъ въ Воронежское духовное училище, а потомъ — въ 1841 г. и въ семинарію, гдѣ окончилъ философскіе классы. Давая сыну систематическое образованіе, отецъ готовилъ его къ университету, надѣясь видѣть въ немъ со временемъ доктора. Учился Никитинъ, по словамъ его біографа, какъ въ училищѣ, такъ и въ семинаріи, очень хорошо; „но особенно блестящіе успѣхи оказалъ онъ въ словесности, въ составленіи не только разныхъ задачекъ, но и болѣе серьезныхъ піесъ. Въ семинаріи же онъ написалъ первое свое стихотвореніе и показалъ его профессору словесности Чехову; профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Еъ началъ 40-хъ годовъ въ Воронежской семинаріи были еще свѣжи воспоминанія о Серебрянскомъ *) и его другъ Кольцовъ, поэтому литературная производительность пользовалась у семинаристовъ боль-

шимъ почетомъ. *) Между ними Никитинъ скоро приобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта. **) Выйдя изъ философскаго класса, Иванъ Саввичъ готовился поступить въ университетъ, но его домашнія обстоятельства сложились такъ плохо, что бѣдному юношѣ, пришлось вмѣсто университетской скамьи, сидѣть за прилавкомъ въ свѣчной лавкѣ и на базарѣ, а затѣмъ вслѣдствіе горькаго пьянства своего отца и соединеннаго съ нимъ обѣдненія, превратиться въ... дворника на постояломъ дворѣ, собственно — ручно готовившаго обѣды извозчикамъ.

Только за четыре года до смерти Никитину удалось завести книжный магазинъ, постепенно превратившійся въ своего рода литературный клубъ, и вообще улучшить свое матеріальное положеніе. Литературная же извѣстность его началась нѣсколько раньше, въ эпоху Крымской войны (около 1854 г.), когда поэтомъ была написана знаменитая „Русь“, при чемъ мѣщанское званіе и дворничество Никитина давали большинству поводъ видѣть въ немъ новаго Кольцова. Такъ думаютъ многіе и теперь, но не вѣрно. Мѣщаниномъ Иванъ Саввичъ былъ только по названію, а дворникомъ — по одной профессіи; его воспитала не „сермяжная Русь“, о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его дворъ извозчикамъ, не степи, которыя онъ рѣдко видалъ, а литература 40-хъ годовъ, такъ-что поэтъ былъ человекъ не съ первобытными, а съ цивилизованными понятіями, только по несчастію затертый въ необразованной средѣ. Конечно, „литераторъ-дворникъ“ далеко не то, что писатель изъ дворянъ и изъ столицы: до нѣкоторой степени Никитину присуще то, что въ немъ предполагалось, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ у Кольцова. Въ силу своего общаго умственнаго развитія, большей, чѣмъ у Кольцова, образованности и склонности къ переоцѣнкѣ всего, поэтъ не могъ такъ просто и непосредственно относиться къ жизни, какъ его знаменитый землякъ; затѣмъ, онъ, какъ питомецъ 40-хъ годовъ, стремился къ практической пользѣ въ поэзіи, а отъ него требовали непосредственной народности, вѣры только въ самого себя; въ то время, когда по свойству своей природы и въ силу печальныхъ обстоятельствъ поэтъ чувствовалъ раздвоеніе, надломъ, отъ него хотѣли твердой вѣры и, не найдя ее, разочаровывались, но справедливо ли?.. Никитинъ былъ, дѣйствительно, литературною замѣчательностью, но совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ Кольцовъ: это былъ литераторъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, выработанный провинціей, безъ всякаго участія столицъ и другихъ умственныхъ центровъ,

*) Серебрянскій — другъ поэта Кольцова, очень много способствовавшій развитію его поэтическаго таланта. Учился въ Воронежск. семинаріи.

*) Полагаемъ, что „литературная производительность“ пользуется у семинаристовъ почетомъ всегда и во всѣхъ семинаріяхъ.

**) Полн. собр. соч. Никитина 1885 г. ст. 6.

въ провинці жившій и дѣйствовавшій. *) Никитинъ былъ литераторомъ *вполнѣ*, тогда какъ Кольцовъ, не смотря на свою большую даровитость и болѣе крупное литературное значеніе, литераторомъ въ полномъ смыслѣ никогда не былъ.

Талантливому горемыкѣ такъ и не удалось осуществить свою мечту объ университетѣ, какъ не пришлось ему вкусить и радостей семейной жизни: онъ умеръ отъ чхотки 16 октября 1861 года, имѣя всего 36 лѣтъ..

Въ какой же степени повліяла на развитіе поэта духовная семинарія и поскольку, слѣдовательно, Никитинъ близокъ къ читателямъ этихъ страницъ? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами біографа челоука къ семинаріи совсѣмъ не пристрастного. „Когда Никитинъ поступилъ въ Воронежскую духовную семинарію, это учебное заведеніе—которое онъ не всегда любилъ—не могло похвалиться хорошимъ составомъ преподавателей. Но семинарія еще была полна воспоминаніями о Серебрянскомъ; Кольцовъ, умершій въ 1842 году, былъ еще живымъ напоминаніемъ о преждевременно погибшемъ юношѣ, возбуждавшемъ восторгъ въ семинарской молодежи; огненные статьи Бѣлинскаго, такъ близкаго къ Кольцову, читались съ жаромъ и чуть не заучивались наизусть; самое *семинарское образованіе, какъ ни плохо оно было въ то время, по своему отвлеченному направленію способствовало развитію въ молодой даровитой натурѣ духа пытливости и рефлексіи — однимъ словомъ, пребываніе въ семинаріи, совпадающее съ умственнымъ движеніемъ то дашняго времени, имѣло на Никитина громадное вліяніе.* **)

Очень живо и интересно описаны семинарскія переживанія Никитина въ его „Дневникъ семинариста“. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ это произведеніе. „Пишу то, что происходитъ у меня въ головѣ, что вижу, что затрагиваетъ меня за сердце... Быть можетъ, кто нибудь прочтетъ эти строки чрезъ 20 или 30 лѣтъ и скажетъ: такъ вотъ при какой обстановкѣ шло воспитаніе нашихъ отцовъ!.. Прочтетъ,—и не броситъ въ насъ камня. ***) Не бросаетъ камней въ свою alma mater и самъ авторъ; онъ только печально восклицаетъ: „Экая бурса! Попала на одну ступень и окаменѣла: ни молодѣетъ, ни старѣется“... ****)

Въ виду несомнѣннаго автобіографическаго значенія „Дневника“, а также изъ желанія дать картинку изъ жизни старой духовной школы, позволимъ себѣ остановиться на нѣсколько минутъ на вышеназванномъ произведеніи.

Предъ нами духовная семинарія и отчасти училище 40-хъ годовъ. Въ нихъ меньше ужасовъ,

чѣмъ въ бурсѣ Помяловскаго. Въ семинаріи—что особенно удивляетъ автора—обращаются къ ученикамъ на „вы“ даже магистры, а розги почти совсѣмъ устранены и употребляются лишь въ особыхъ случаяхъ. Въ училищѣ-же розги въ большомъ ходу. Здѣсь примѣняется также странный способъ согрѣванія въ холодныхъ классахъ—стучаніе ногами, прыжки и кулачный бой. Въ семинарскихъ классахъ тоже холодно, такъ какъ отопливались они только въ торжественныхъ случаяхъ, отчего бываетъ много угару. Въ жилыхъ же бурсацкихъ помѣщеніяхъ было теплѣе—они, хоть экономно, но все же ежедневно отопливались. Тутъ все бѣдно и убого: нѣтъ простыней, засаленныя подушки, тощіе матрацы, рванные одѣяла, пыль, соръ и т. д., но все это не смущаетъ бурсаковъ. Имъ ни почемъ и вѣчные щи да каша съ запахомъ масла и другіе недочеты питанія: „былъ бы хлѣбъ, живъ будешь—у меня и дома то ѣдятъ не больно сладко“, говоритъ одинъ изъ нихъ. Довольно интересно и не безъ поэзіи проходитъ майская рекреация съ участіемъ высшаго начальства.

Болѣе темны стороны въ тогдашней семинарской наукѣ, ея носителяхъ и въ воспитаніи. Въ наукѣ было много мудренаго мелочнаго педантизма, сухого и безжизненнаго въ то время, когда „простой записки къ знакомому никто не напишетъ толково, десяти словъ не свяжетъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ“... Характерна картина экзаменовъ, гдѣ поощряется зубреніе безъ примѣровъ и объясненія или сводятся разные счеты, или вступительная рѣчь преподавателя о томъ, чтобы каждый отвѣчалъ лекцію „безъ запинки и не смотрѣлъ на потолокъ“. Вся наука идетъ по тетрадкамъ „отъ сихъ до сихъ поръ“. Отвѣтъ „своими словами“ не признается, такъ какъ онъ скоро забудется, а если всѣ стануть отвѣты изъ своей головы сочинять, „столпотвореніе вавилонское выйдетъ непременно“... Здѣсь изучаютъ только Державина, ничего не читаютъ изъ Пушкина, о Гоголь говорятъ, что его произведенія уродливы и безобразны, мало освѣдомлены о стихотворцѣ Лермонтовѣ и даже о своемъ Воронежскомъ поэтѣ Кольцовѣ знаютъ только по слухамъ. Получить книгу изъ бібліотеки очень трудно, да и занятіе это, а особенно—чтеніе журналовъ, считается „напрасной затратой времени“.

Мало свѣтлаго и въ тогдашнемъ воспитаніи: оно сводится къ тому, что одна сторона ухищряется въ уловленіи проступковъ, а другая—въ ихъ сокрытіи. Нравственная связь между воспитателями и питомцами отсутствуетъ совершенно: „отчего, думаетъ герой „Дневника“, ни къ одному изъ нихъ я не смѣю подойти съ просьбою: будьте такъ добры—потрудитесь мнѣ вотъ это растолковать. Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, дальше „молодости нужно дыханіе любви, она не можетъ развиваться подъ холодомъ и грозой, или развивается медленно и уродливо“...

*) Полн. собр. соч. Никитина, стр. 35.

***) Полн. собр. соч. стр. 8.

****) Тоже, стр. 283.

*****) Тоже, стр. 280.

Образы семинарских педагоговъ хотя не такъ ужасны, какъ у Помяловскаго, но все же печальны: здѣсь высокомяшій о себѣ и въ то же время берущій всякіе дары и именные подношенія Θεодоръ Θεодоровичъ, жалкій наставникъ необязательной геометріи, во время урока котораго играютъ въ карты, тупо острящій лекторъ французскаго языка, смиренный Яковъ Ивановичъ, все читающій по Татищеву и просящій расшалившихся слушателей „не мѣшать ему читать“, и несчастнѣйшій Иванъ Ермолаичъ съ новыми методами и мыслями, которыя довели его до бѣды и горькаго пьянства. Впрочемъ, внѣ класса это—обыкновенные люди. Они крѣпко вѣрятъ въ семинарію и читаютъ ей настоящій гимнъ, который не лишне привести здѣсь цѣликомъ для доказательства того, что и старая бурса кое чего достигала „Развѣ не изъ семинаріи, говорятъ здѣсь, выходятъ люди съ крѣпкою грудью, объ которую разбиваются всѣ житейскія невзгоды? Развѣ не семинарія вырабатываетъ эти желѣзныя натуры, которыя терпѣливо выносятъ всякій долготнѣй, усидчивый трудъ? Развѣ не въ семинаріи слагаются характеры, которые впоследствии дѣлаются предметомъ удивленія на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни?..“ *)

Одинъ изъ героевъ „Дневника“ Яблочковъ,—отраженіе самого Никитина,—всею душою стремится въ университетъ. „Пѣшкомъ, говоритъ онъ, на Христово имя пойду, а ужъ буду въ университетѣ“. И дѣйствительно, являясь настоящимъ героемъ науки, онъ совершаетъ надъ собой гигантскую работу, стремится къ самымъ возвышеннымъ идеаламъ, но сраженный чахоткой умираетъ на койкѣ семинарской больницы, написавъ въ предсмертныя минуты на память своему другу трогательное: „Вырыта заступомъ яма глубокая“... Его другъ Бѣлозерскій—колеблющійся, безвольный человѣкъ: его тоже манитъ къ себѣ наука, но въ немъ нѣтъ столько силы, чтобы подготовиться и выдержать борьбу со всѣми препятствіями. „Моя будущая судьба, пишетъ онъ на послѣдней страницѣ „Дневника“, теперь окончательно опредѣлилась. Пройдутъ еще два года трудовой однообразной жизни, и я прийму на себя званіе духовнаго врача. Видитъ Богъ, намѣренія мои всегда были чисты. Если я заблуждался, мечтая о другой дорогѣ, заблужденіе мое было безкорыстно“... Впрочемъ, его взглядъ на священство настолько возвышенъ, что дай Богъ его всѣмъ, идущимъ въ духовное званіе, и въ наши дни, когда принято такъ много мѣръ для созданія церковнаго настроенія.. Вотъ его слова: „Санъ священника—великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ безсонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель. Вотъ, думалъ я: наконецъ,

послѣ долгаго труда, я удостоиваюсь сана священнослужителя. Падаетъ-ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ Евангельской истины. Унываетъ-ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный,—я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестъ прощаль своимъ врагамъ. И, послѣ этого, быть можетъ, я приобретаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей обою пола, учу ихъ грамотѣ; читаю и объясняю имъ св. Евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми мастерами.. И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія“.

Яблочкинъ пожалъ мнѣ руку. „У тебя прекрасное сердце. Но нужно имѣть желѣзную волю; мало этого, нужно имѣть свѣтлую, многосторонне развитую голову, чтобы устоять одиноко на той высотѣ, на которую ты думаешь себя поставить, и гдѣ же? Въ глуши, въ какой нибудь деревушкѣ, среди грязи, бѣдности и горя, въ совершенномъ разъединеніи со всякимъ умственнымъ движеніемъ. Вспомни, что тебѣ еще придется зарабатывать себѣ насущный кусокъ хлѣба своими руками“..

— На все воля Божія, отвѣчала я и молчаливо опустил свою голову. *)

Какъ много возвышающаго душу въ такихъ бесѣдахъ и вообще во всѣхъ порывахъ этихъ юношей идеалистовъ!

Помимо изображеній изъ жизни семинарской въ „Дневникѣ“ дается нѣсколько краткихъ, но сильныхъ набросковъ изъ жизни сельскаго священника. Тутъ батюшка, самъ работающій на полѣ и недовольный случившейся въ страдную пору исповѣдью больной, безобразія пьянаго дьячка, деревенскій праздникъ и пріѣздъ о благочиннаго, славленіе Христа на святкахъ съ сборомъ курей и хлѣба, отношенія деревенскихъ парней къ попovichу и интересный разговоръ о пользѣ семинарской науки съ работникомъ; разговоръ этотъ заканчивается очень дѣльнымъ замѣчаніемъ: „прибыли то, значитъ, отъ вашего ученія не много. Вотъ, если бы вашъ братъ ученый пріѣхалъ къ намъ, да рассказалъ толкомъ: это вотъ-такъ надо сдѣлать, это вотъ какъ, и стало бы нашему брату мужику отъ этого полегче, тогда вышло-бы хорошо“ ..

Въ стихахъ же талантливаго горемыки такъ много хорошихъ мыслей и деревенскихъ темъ, что ихъ съ пользой можетъ читать всякій духовный и школьникъ.

А. Ш.

*) Полн. собр. соч., стр. 287.

*) Полн. собр. соч., стр. 293—4.

Съ Волыни въ Бѣлгородъ на открытіе мощей Святителя Іоасафа.

Въ 7 час вечера 31-го сентября выѣхалъ я въ Бѣлгородъ. Еще въ Кіевѣ познакомился съ двумя священниками Вятской епархіи, которые также направлялись въ Бѣлгородъ, а въ дорогѣ познакомился еще съ священникомъ Литовской епархіи, и условились для удобства найти номеръ вмѣстѣ. Въ 5 час. вечера 1-го сентября пріѣхали въ Бѣлгородъ и остановились въ гостинницѣ женскаго монастыря. Оставивъ вещи, отправились въ мужской монастырь, гдѣ въ соборномъ храмѣ внизу въ пещерѣ почивали до открытія мощи Святителя Іоасафа. Въ церкви Знаменія въ это время началась заупокойная всенощная по Святителѣ. Его родителямъ и всѣмъ соприкасающимся съ Нимъ въ Его жизни высшимъ лицамъ. Отстоявъ всенощную, которую служилъ викарій Курской епархіи епископъ Никодимъ, (канонъ-же читалъ епископъ Андрей Сухумскій) пошли въ пещеру къ Святителю Іоасафу. Между прочимъ узнали, что во время торжествъ въ ограду и храмъ будутъ пускать только по билетамъ. Извѣстіе это подѣйствовало на насъ ошеломляюще и удручающе. Священникъ Литовской епархіи хотѣлъ сейчасъ же ѣхать обратно, но мы его удержали.

День 2 го сентябрю посвященъ былъ на поиски билетовъ. При сильной давкѣ, пришлось достать билетъ, по которому *можно было находить-ся въ мѣстности, прилегающей къ монастырю.* (Билеты выдавали въ земской управѣ). Оказалось, что билеты въ храмъ розданы еще раньше и исключительно свѣтскимъ лицамъ. Такъ передавали, что будто губернаторъ говорилъ Архіепископу Питириму: „Вамъ алтарь, а мнѣ церковь“. Съ такимъ билетомъ, какой пришлось добыть усиленными трудами, нечего было и рассчитывать на присутствіе въ храмѣ. Такимъ образомъ, всѣ священники, прибывшіе на торжество, оказались выброшенными за бортъ. Всѣмъ сдѣлалось больно и тяжело. Собралась группа священниковъ и пошли обивать пороги у духовныхъ властей, но никто не обратилъ вниманія на всѣ наши просьбы; тогда обратились съ просьбой къ графинѣ Игнатъевой, которая такъ возмутилась подобнымъ распоряженіемъ, что высказала: *„не хочу вприть, чтобы священниковъ не пускали не только въ ограду, но даже и въ церковь“.* Она, дай Богъ ей здоровья, сейчасъ-же поѣхала къ губернатору и вечеромъ сообщила намъ: „что завтра 3-го пріѣдетъ митрополитъ Владиміръ, и дѣло выяснится въ пользу священниковъ“. Послѣ этого я рѣшилъ, что не буду выходить изъ ограды, благо, что попалъ въ нее, до окончанія службъ 4-го. Прислонюсь гдѣнибудь во дворѣ и такъ проведу два дня, что мною и было сдѣлано. Тѣ же изъ священниковъ,

которые выходили изъ ограды, въ большинствѣ не попали. 3 го, послѣ литургіи, батюшки, бывшіе во дворѣ, обратились съ просьбою къ г. Скворцову: не походатайствуетъ-ли онъ за насъ. Онъ могъ только сдѣлать то, что просившимъ священникамъ далъ билеты съ правомъ входа въ ограду. Въ томъ числѣ и мною былъ полученъ таковой билетъ.

Вечеромъ 3-го, предъ всенощной, собрались священники въ количествѣ человекъ двухсотъ, а можетъ и больше, къ Архіепископу Питириму просить впустить въ храмъ на всенощную. Вышелъ личный секретарь Архіепископа, которому и заявили передать нашу просьбу Владыкѣ и, между прочимъ, сказали: „что же мы скажемъ своимъ прихожанамъ по пріѣздѣ домой, если насъ не допустятъ и въ храмъ, въ крайнемъ случаѣ будемъ жаловаться въ Св. Синодъ на такую несправедливость“. Секретарь ушелъ и немного спустя вышелъ Архіепископъ Питиримъ, который былъ встрѣченъ нами пѣніемъ: „Исполла эти деспота“. Владыко пошелъ въ храмъ и мы за нимъ съ пѣніемъ: „Достойно есть“—входное. Картина получилась въ высшей степени торжественная, можетъ быть, и не бывалая, какъ сонмъ священниковъ во главѣ съ Первосвятителемъ Курской епархіи съ пѣніемъ шелъ въ храмъ. Въ дверяхъ при входѣ въ алтарную часть каждаго изъ насъ Владыка благословилъ и отвелъ мѣсто стоять на лѣвой сторонѣ, гдѣ приготовлена была сѣнь для установки св. мощей. Въ радости, что наконецъ то мы въ храмъ, и даютъ возможность помолиться, священниками продолжало пѣться пѣснопѣнія: „Заступнице усердная“, „Яко неوبرимую стѣну“, „Милосердія двери“ и др. Пѣніе это пѣлось отъ души и умиленія. Мы были увѣрены, что и завтра будемъ за литургіей въ храмѣ, но ошиблись. Въ 6 час. началась всенощная. Эта первая всенощная во славу Св. Іоасафа такъ многоцѣнна, что, казалось, и небожители явились на прославленіе Святителя. Особенно было трогательно, когда все находящееся въ храмѣ духовенство запѣло первое величаніе въ честь Святителя Іоасафа.

Рѣдко у кого не было слезъ на глазахъ... Всенощная окончилась въ 10 час. Бывшіе въ храмѣ іереи въ большинствѣ не расходились, а всю ночь соборно служили молебны съ чтеніемъ акафиста Свят. Іоасафу. Меня же Господь обрадовалъ тѣмъ, что я отъ 12 час. и до 3½ час. ночи помазывалъ богомольцевъ освященнымъ елеемъ при гробѣ Святителя, и въ это время на моихъ глазахъ было пять исцѣленій; именно: одинъ ребенокъ, не видѣвшій, приложенный матерью къ св. мощамъ, сталъ видѣть, и мать отъ радости подбѣжала ко мнѣ и крикнула: „Батюшка! вѣдь ребенокъ-то мой видитъ“. Второй случай: плохо видѣвшій мальчикъ сталъ хорошо видѣть; а третій: мальчикъ, не владѣвшій ногами, приложив-

шись къ св. мощамъ, сталъ дѣйствовать ими. Также двѣ бѣсноватыхъ женщины, которыхъ съ трудомъ могли подвести къ св. мощамъ пять мужчинъ, исцѣпились, и одну изъ нихъ—Евгенію—я приобщалъ за ранней литургіей. Всѣхъ пятерыхъ я и елеемъ помазывалъ, поэтому мнѣ и пришлось видѣть исцѣленныхъ. При видѣ совершающихся чудесъ, сколько всѣми было пролито радостныхъ и благодарныхъ слезъ. Слезъ за милость Господа, явившаго въ наше смутное и маловѣрное время такого великаго Святителя и Чудотворца.

Ранняя обѣдня началась въ 4 часа утра въ церкви Знаменія. Богъ сподобилъ послужить и мнѣ эту первую литургію въ честь Св. Іоасафа. Литургію совершало 9 священниковъ во главѣ съ архимандритомъ Θεодосіемъ. Послѣ обѣдни соборне былъ отслуженъ молебенъ съ акаѣистомъ Свят. Іоасафу, предъ Его св. иконой. Кончилось богослуженіе въ началѣ восьмого. По выходѣ изъ церкви направились въ соборный храмъ съ тѣмъ, чтобы пройти на позднюю литургію, но, при всѣхъ усиліяхъ и просьбахъ, пройти не пришлось, не смотря на то, что въ храмѣ было очень свободно; это можно было видѣть изъ дверей. Кстати упомяну, что и народъ также былъ возмущенъ распоряженіемъ, почему это и священниковъ не хотятъ впустить. Примѣромъ служитъ слѣдующее: долго я стоялъ у дверей, которыя ведутъ въ алтарную часть, и вотъ одинъ изъ стоящихъ свѣтскихъ лицъ обратился съ просьбой къ городовому за меня: „пустите этого батюшку, меня-то не пускаете,—ладно, насъ-то много, а батюшку то пустите“—и къ моей радости я былъ впущенъ. Не вѣрилось, что это было на яву. Когда я вошелъ въ алтарь, въ это время пѣли „Вѣрую“; стоялъ я до поученія, которое говорилъ митрополитъ Владиміръ послѣ „Буди имя Господне“. Думалъ я, что простою до окончанія всего, но ключарь собора Курскаго о. Поповъ всѣхъ не служившихъ священниковъ преспокойно повытаскивалъ за рукава изъ храма, въ томъ числѣ и меня грѣшнаго.

Но все таки я остался доволенъ тѣмъ, что пришлось видѣть Св. Іоасафа, стоящаго на горнемъ мѣстѣ въ наклонномъ положеніи, по бокамъ же гроба стояло 4 діакона съ рипидами.

Достойно вниманія и то, что доступъ въ храмъ и вечеромъ не былъ возможенъ. Когда я пошелъ ко всенощной 4-го, то также не пропустили и въ ограду. Священниковъ опять скопилось масса, но, къ счастью, попалъ съ нами о. Восторговъ. Въ это время проходила одна изъ свиты Великой Княгини Елисаветы Θεодоровны, къ которой и обратился съ просьбой о. Восторговъ о пропускѣ; она же обратилась къ полиціи, и тогда всѣхъ насъ пропустили въ ограду, но до этого сколько было получено нами толчковъ, пинковъ отъ полиціи, что и не счесть. Жаль старыхъ батюшекъ, которымъ пришлось испытать столько

непріятностей. Были священники изъ за Байкальля, Сибири, Кавказа и др. отдаленныхъ губерній, и всѣхъ такъ огорчили подобнымъ приемомъ.

5-го, послѣ ранней обѣдни, отслушавъ молебенъ и приложившись къ св. мощамъ, отправился домой. 7-го, утромъ, прибылъ въ Городно.

Владиміровольнскаго уѣзда, с. Городно
Священникъ **Александръ Веселовъ.**

В Е С Ъ Д А .

Въ то время, какъ будетъ напечатана эта бесѣда, въ Почаевѣ уже будутъ происходить третьи по счету у насъ на Волини миссіонерскіе курсы. Нужда въ такихъ курсахъ ощущалась уже давно. Приходскіе пастыри не разъ жаловались мнѣ: вѣдь въ семинаріи у насъ обличенія сектантства не проходили, на приходѣ учиться неудобно: устройте курсы и учите насъ. Читалъ я, что по другимъ епархіямъ, на примѣръ, въ Кіевской, такіе курсы уже введены въ практику, и рѣшилъ себя попробовать.

И вотъ курсы были устроены. Я не смѣю сомнѣваться въ искренности заявленій слушателей курсовъ, которые не разъ выражали мнѣ свое удовольствіе курсами. Доказательствомъ было хотя-бы то, что на слѣдующій годъ на миссіонерскіе курсы явилось снова нѣсколько человекъ, уже бывшихъ на курсахъ въ прошломъ году, и явилось безъ всякаго приглашенія, по своему доброму желанію. Въ настоящемъ-же году въ числѣ приславшихъ заявленіе цѣлый рядъ священниковъ, также уже бывшихъ ранѣе на курсахъ. Что побуждаетъ ихъ во второй, а иныхъ и въ третій разъ стремиться на курсы? „Я имѣю, пишетъ мнѣ одинъ изъ такихъ батюшекъ, самое непринужденное желаніе побывать на миссіонерскихъ курсахъ и въ этомъ году. Да и какъ не желать этого? Вѣдь на миссіонерскихъ курсахъ, кромѣ прямой миссіонерской цѣли, достигаются еще и другія: поклоненіе чтимымъ святынямъ, болѣе или менѣе продолжительное общеніе съ отцами, отрѣшеніе отъ будничныхъ заботъ, которыя такъ часто угрызаютъ и снѣдаютъ сердце наше и вообще пребываніе въ области пріятныхъ настроеній.. Нужно пользоваться благоприятнымъ для сего временемъ и предлагаемыми средствами, чтобы восполнить недостаточность нашей подготовки для миссіонерскаго дѣланія“. „Желая и въ семь году попасть въ число слушателей предлагаемыхъ миссіонерскихъ курсовъ, пишетъ мнѣ другой батюшка, прошу васъ зачислить меня кандидатомъ на эти курсы, гдѣ-бы они ни происходили. Хочется поддержать и освѣжить полученные раньше знанія, такъ какъ замѣчаю, что „дніе лукави суть“, а въ настоящее время особенно;

нужно быть постоянно на стражѣ и очень внимательнымъ къ своему дѣлу... хорошо еще было бы, если бы на курсахъ этихъ какойнибудь опытный законоучитель прочелъ двѣ или три лекціи относительно преподаванія Закона Божія. Такъ мы, сельскіе іереи, отстали въ этой области, забывши о всякихъ методахъ, что всякое освѣженіе и напоминаніе о лучшихъ приемахъ веденія этого дѣла будетъ очень полезно намъ“.

Я исполнилъ и послѣднее желаніе батюшки и просилъ Преосвященнѣйшаго епископа Фаддея, какъ опытнаго законоучителя, пожаловать на курсы и прочесть рядъ лекцій по преподаванію Закона Божія въ начальной школѣ, на что и получилъ согласіе. Я и самъ вполне раздѣляю желаніе своего корреспондента, такъ какъ обученіе дѣтей въ школѣ Закону Божию считаю первымъ миссіонерскимъ средствомъ.

Вообще-же дѣло преподаванія на миссіонерскихъ курсахъ у насъ ставится по-просту: мы не задаемся широкими планами, не рѣшаемъ мудреныхъ вопросовъ, не читаемъ важныхъ докладовъ. Наше дѣло научить слушателей, какъ отвѣчать на возраженія сектантовъ и какими доводами опровергать сектантскія мудрованія. На первыхъ курсахъ мы поступали такъ. Сначала знакомились съ положительнымъ ученіемъ относительно того, или другого отвергаемаго сектантами пункта. Затѣмъ мы прискивали по Библии тексты, на которые обычно ссылаются сектанты, давали этимъ текстамъ правильное объясненіе и на поляхъ Библии отмѣчали цитаты такихъ текстовъ, которыми опровергается сектантское толкованіе и устанавливается православное. И такъ по каждому вопросу. Дѣло въ томъ, что при бесѣдахъ съ сектантами всегда нужно дѣлать такъ: когда сектантъ прочитаетъ нужный ему текстъ изъ Библии и начнетъ его толковать по своему, вы не начинайте сразу давать на данный текстъ свое объясненіе, потому что сектантъ все равно будетъ его оспаривать; а сдѣлайте такъ, чтобы сектантъ сразу почувствовалъ самъ нелѣпость своего толкованія и самъ попросилъ бы у васъ объясненія. Напримѣръ. Сектантъ, доказывая, что православныхъ пастырей—отцовъ теперь не должно быть, приводитъ текстъ: „и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ“ (Мѡ. 23, 9), а у васъ, вотъ, имѣются, оретъ торжествующій сектантъ, то о. Митрофанъ, то о. Іаковъ, то о. Александръ, то о. Аркадій и т. д. Получается извѣстное настроеніе. Вы не начинайте доказывать сектанту, что слово „отецъ“ здѣсь употреблено въ другомъ смыслѣ: все равно ни сектантъ, ни народъ съ вами не будутъ соглашаться. Дѣлайте-же такимъ образомъ: Итакъ ты, говоришь вы сектанту, доказываешь, что никого на землѣ нельзя называть отцемъ? То не я, а Слово Божіе доказываетъ, самодовольно отвѣчаетъ сектантъ. Хорошо, а какъ ты думаешь: кто лучше понимаетъ это мѣсто изъ

Евангелія, спрашиваете вы сектанта: ты, или св. Іоаннъ Богословъ? Слушай-же, что пишетъ въ своемъ посланіи святой Апостоль: „Пишу вамъ, отцы“, (1. Іоан. 2, 13). И далѣе. „я написалъ вамъ, отцы“ (ст. 14) И вотъ сектантъ въ недоумѣніи. Какъ-же это такъ: то сказано, что нельзя никого называть на землѣ отцомъ, а то самъ апостоль пишетъ: „отцы“. Тогда то вотъ вы и объясняйте, относительно кого и кому сказаны слова „и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ“.

Или такой примѣръ. Сектанты, оправдывая свое мнимое право толковать Писаніе, любятъ говорить, что Господь утаилъ истинное пониманіе св. Писанія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ. Премудрые, по мнѣнію сектанта, „это—вы“, а младенцы—они. Въ этомъ случаѣ дѣлается такъ. Спрашиваете сектанта: значить, ты младенецъ? Да, младенецъ. Какъ-же это ты младенецъ по возрасту, или по уму? Конечно, по уму. Слушай же, что пишетъ Апостоль христіанамъ: „Братья! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтні“ (1. Кор. 14, 20). И снова недоумѣніе сектанта, и снова ваше объясненіе кого нужно считать младенцемъ и за что.

Такимъ то методомъ мы и проходимъ на курсахъ всѣ возраженія сектантовъ. Моя постановка дѣла такова, чтобы слушатели все время представляли мысленно предъ собою сектанта и какъ бы съ нимъ бесѣдовали. Помимо теоретическихъ бесѣдъ по вечерамъ на курсахъ устраиваются и примѣрные практическія бесѣды. Избираются, обычно, лица, болѣе или менѣе хорошо знакомыя съ сектантами, и между ними происходитъ примѣрная бесѣда: одинъ приводитъ сектантскія возраженія, а другой ихъ разбираетъ. Послѣ примѣрной бесѣды я дѣлаю разборъ послѣдней и указываю ея достоинства и недостатки. Это, такъ сказать, официальная сторона дѣла. Помимо этой стороны немаловажное значеніе имѣетъ и другая сторона—это общеніе пастырей между собою. Недаромъ эту сторону отмѣчаютъ и мои корреспонденты. Здѣсь на братскомъ съѣздѣ происходитъ самый оживленный обмѣнъ мнѣній и взглядовъ: сильные поддерживаютъ слабыхъ, крѣпкіе—малодушныхъ; опытные наставляютъ неопытныхъ. И сколько въ этомъ общеніи пользы, сколько отрады, сколько утѣшенія! Въ заключеніе скажу, что пишу все это только, какъ очередную бесѣду, но не въ смыслѣ какой-либо рекламы курсамъ Докзательство хотя-бы въ томъ, что бесѣда эта будетъ прочитана уже тогда, когда и сами курсы будутъ приближаться къ концу.

Архимандритъ Митрофанъ.

ПО ЕПАРХІИ.

I.

Новые храмы на Волыни.

Съ Божіей помощью постройка храма въ д. Адамовъ В.-Цвильскаго прихода (Новоградвол. у.) быстро подвигалась впередъ и къ сентябрю храмъ былъ почти готовъ. Такъ какъ инициаторомъ устройства храма въ Адамовъ былъ епархіальный миссіонеръ, о. Митрофанъ, то послѣднему и было поручено Владыкой совершить освященіе храма. День освященія былъ назначенъ на 24 сентября. Къ сожалѣнію, до того времени бывшая довольно сносная погода, испортилась: пошелъ дождь, наступили холода, настала чисто осенняя слякоть. Съ большимъ трудомъ, по невѣроятно плохой по мѣстамъ дорогѣ, о. Митрофанъ къ вечеру 23 сентября добрался до с. Сербовъ, отстоящихъ отъ д. Адамова въ разстояніи почти двадцати верстъ. Въ виду поздняго времени и плохой дороги о. Митрофанъ остался въ Сербахъ, гдѣ и слушалъ всенощное бдѣніе, совершенное окружнымъ миссіонеромъ—о. Молчановымъ, а въ Адамовъ было дано знать, чтобы находящееся тамъ духовенство совершали бдѣніе сами. На слѣдующій день къ 9-ти часамъ утра о. Митрофанъ съ о. Молчановымъ и іеродіакономъ Θεодосіемъ (арх. домъ) прибылъ въ Адамовъ.

Здѣсь уже все было готово къ освященію храма, которое сейчасъ-же и началось.—О. миссіонеру сослужили: Благодичный о. Михаилъ Абрамовичъ, окружный миссіонеръ о. Молчановъ и священники с. Глумчи, Емельчино, Кулешей, В.-Цвильи и Сербовъ при четырехъ діаконахъ. Пѣлъ хоръ изъ В.-Цвильи на правомъ клиросѣ, а на лѣвомъ—любители подъ управленіемъ С. М. Абрамовича (учителя). Чинъ освященія совершился весьма чинно и въ порядкѣ; вслѣдъ за освященіемъ храма началась литургія. Народа была полна церковь, но, конечно, если-бы стояла лучшая погода, то послѣдняго было-бы несравненно больше. Штундистовъ не было, но за всенощной присутствовалъ одинъ, который подходилъ даже къ елеопомазанію. Послѣ причащеннаго стиха о. благодичный произнесъ поученіе. Въ своемъ словѣ проповѣдникъ привѣтствовалъ слушателей съ строеніемъ храма и завѣщевалъ не забывать его и посѣщать для молитвы и слушанія Слова Божія. По окончаніи литургіи произнесъ бесѣду о. Митрофанъ. Бесѣда была миссіонерскаго характера. Проповѣдникъ обличалъ штундистовъ за непочтеніе къ св. храмамъ и на основаніи Слова Божія доказывалъ необходимость храмовъ и важность общественной молитвы. Такъ закончилось освященіе новаго храма на Волыни. Не смотря на небольшія средства, затраченныя на постройку, храмъ довольно помѣстителенъ, красивъ, благо-

лѣпенъ и снабженъ необходимой утварью. Надъ устройствомъ храма очень много потрудились благодичный, о. Абрамовичъ, которому за его труды выражена благодарность Епархіальнаго Начальства. Есть полное основаніе надѣяться, что новый храмъ въ Адамовъ привлечетъ подъ свой кровъ разъединенныхъ нынѣ жителей деревни и будетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ миссіи среди мѣстныхъ штундистовъ. Если что пока неудобно, то это то, что храмъ-приписной къ Церкви В.-Цвильи, а священникъ В.-Цвильи, занятый большимъ приходомъ, врядъ-ли въ состояніи будетъ совершать богослуженіе въ Адамовъ такъ часто, какъ—было-бы желательно. Впрочемъ и это неудобство можно уничтожить назначеніемъ въ В. Цвилью второго священника, хотя бы и на діаконскій штатъ.

„Заинтересованный“.

II.

Верстахъ въ 45 отъ Житомира, недалеко отъ Овручскаго тракта расположилась небольшая деревенька „Небижъ“. Окруженная со всѣхъ сторонъ селеніями, въ которыхъ имѣются сектанты-штундисты, деревня „Небижъ“ не избѣгла общей участи. И въ этой деревнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно семейство перешло въ штунду. Но, благодареніе Богу, жители деревни не только не заразились примѣромъ своего несчастнаго односельца, а, движимые православнымъ настроеніемъ, рѣшили построить въ Небижѣ храмъ. Настойчиво взявшись за это дѣло, жители Небижа не остановились предъ необходимыми затратами, и не такъ давно храмъ въ Небижѣ былъ оконченъ. Достоинно вниманія, что и штундовое семейство переселилось изъ Небижа въ предѣлы другого прихода. Новый храмъ въ Небижѣ не великъ, но красивъ и благолѣпенъ, щедротами-же мѣстнаго помѣщика г. Муравьева снабженъ красивой и цѣнной утварью. Освящать храмъ былъ приглашенъ епархіальный миссіонеръ, архимандритъ Митрофанъ, который 25 го мин. сентября, отстоявъ всенощное бдѣніе въ с. Рыжанахъ, утромъ 26-го прибылъ въ д. Небижъ съ благодичнымъ о. Владиміромъ Поздерко и іеродіакономъ архіерейскаго дома Θεодосіемъ. Въ 8 ч. утра начался чинъ освященія храма. Тѣмъ временемъ изъ Церкви самостоятельнаго прихода „Рыжанъ“ выступилъ крестный ходъ съ св. Антиминсомъ. По совершеніи чина освященія всѣ присутствовавшіе въ храмѣ вышли навстрѣчу крестному ходу. Скоро показалась и процессія изъ Рыжанъ, сопровождаемая большимъ количествомъ народа. Когда крестный ходъ приблизился къ храму, о. миссіонеръ, принявъ св. Антиминсъ изъ рукъ священника с. Рыжанъ, о. А. Панасенко, обошелъ съ святыней вокругъ храма, послѣ чего всѣ снова вступили въ храмъ, согласно чинослѣдованію. По окончаніи Литургіи всѣ вышли на погостъ, и о. Митрофанъ,

стоя на высокому крыльцу храма, произнесъ бѣсѣду. „Вы построили храмъ не для себя только, говорилъ, между прочимъ о. миссіонеръ прихожанамъ: вы построили его и для вашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Смотрите-же, словомъ и примѣромъ научите своихъ дѣтей вѣрѣ Православной. Научите, и они поддержать храмъ и будутъ молиться въ немъ за васъ—строителей храма; не научите—оставятъ они вѣру истинную, сдѣлаются несчастными штундистами, и запустѣетъ построенный вами храмъ, и некому будетъ помолиться за васъ“. Вслѣдъ за поученіемъ здѣсь же на погостѣ былъ торжественно совершень молебень св. апостолу Іоанну Богослову и произнесены установленныя многолѣтія. Воодушевленный народъ долго не оставлялъ св. храма, а, окруживъ его тѣсною стѣною, любовался на красоту Божія Жилища. Украшайся, родная Волынь, храмами святыми: пусть сіяютъ на главахъ ихъ кресты золоченные, пусть звѣняютъ громко и радостно колокола звонкіе; а наши враги и противники, видя это и слыша, да знаютъ и разумѣютъ, яко съ нами Богъ!

Сочувствующій.

ПЕЧАТЬ.

Уже сколько разъ говорилось и писалось о печальномъ приниженомъ состояніи сельскаго духовенства. Печальные примѣры этой принижности приводитъ Г. Стародумъ въ С.-Пет. Вѣд.

Быть инициаторомъ разныхъ просвѣтительныхъ или благотворительныхъ учрежденій,—нужно устраивать „скачки съ препятствіями“, вездѣ спрашивать разрѣшенія, одобренія, дозволенія, начиная чуть-ли не отъ сельскаго старосты. Про такихъ „тузовъ“, какъ исправникъ или земскій начальникъ, и говорить нечего: тѣ просто смотрятъ „сверху внизъ“ на священника совершенно убѣжденно и сознательно.

У насъ, напримѣръ (изъ мѣстности, откуда я пишу), земскій начальникъ, почти еще юноша (лѣтъ 27—8), требуя священника въ волостное правленіе для привода къ присягѣ, держитъ бѣднаго іерея съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ стоя, на ногахъ, а самъ въ это время сидитъ, покуриваетъ и что то пописываетъ, не приглашая сѣсть священника въ ожиданіи присяги. Какъ это поучительно для простого народа, созерцающаго такую картину!

А вотъ случай „заступничества“ священника за невинно заключенныхъ. На почвѣ „землеустройства“ на сходѣ трое крестьянъ въ обычной формѣ, безъ дерзости, выражали свое несогласіе на выдѣлъ своего обществен-

ника. За это несогласіе пьяный становой при ставъ засадилъ ихъ на мѣсяць въ тюрьму. Когда возмущенный священникъ обратился къ нему съ просьбой не арестовывать, становой, чуть ворочая языкомъ, сказалъ: „Это—для острастки... пусть въ другой разъ не разговариваютъ!“

Священникъ написалъ объ этомъ исправнику, но тотъ, прочитавъ письмо, только разорвалъ его...

Вотъ и все „заступничество“!.

А вотъ другой примѣръ „уваженія“ и „вниманія“ къ священнику со стороны должностнаго лица, о коемъ пишетъ корреспондентъ „Колокола“ свящ. Вл. Тенищевъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ с. г. мнѣ по одному дѣлу нужно было побывать въ г. Арзамасѣ. Попутно меня упросило одно близкое лицо положить нѣкоторую сумму на заведенную уже книжку сберегательной кассы въ арзамасскомъ казначействѣ, на что я безъ всякихъ оговорокъ согласился, считая это дѣло, по аналогіи съ порядками своего уѣзднаго ардатовскаго казначейства, дѣломъ маленькимъ, отнимающимъ лишь самую незначительную часть времени. Но къ сожалѣнію, глубоко ошибся въ своемъ предположеніи.

Какъ это было, расскажу все въ послѣдовательномъ порядкѣ.

По пріѣздѣ въ городъ, управившись съ своимъ дѣломъ, я на другой день, чтобы съэкономить время и добраться, хотя бы позднимъ вечеромъ, до своихъ палестинъ (разстояніе 60 в.), постарался заявиться въ казначейство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на соборной колокольнѣ пробило 9 часовъ.

Подхожу съ книжкой къ столу, отгороженному барьеромъ, гдѣ завѣдующій столомъ чиновникъ дѣлаетъ предварительную запись на книжкахъ. Одновременно со мной подошли къ барьеру и нѣсколько деревенскихъ женщинъ съ книжками.

Чиновникъ, отбирая книжки у женщинъ, намѣренно и даже какъ бы съ подчеркиваніемъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

Такъ простоялъ я минутъ 20. Тѣмъ временемъ явилось около меня еще нѣсколько челоуѣкъ деревенскихъ женщинъ съ книжками.

Смотрю: чиновникъ снова протягиваетъ руку къ подошедшимъ женщинамъ, а меня опять какъ бы не замѣчаетъ.

Тутъ я не вытерпѣлъ и заговорилъ:

— Послушайте, милостивый государь, почему вы не хотите у меня принять книжку? спросилъ я.

— У насъ заведена строгая очередь, батюшка, недовольнымъ тономъ пробурчалъ чиновникъ.

— Какая же это строгая очередь, — очередь грубо отворачиваться отъ священниковъ, что-ль?

— Я не отворачиваюсь отъ васъ, а констатирую лишь фактъ, что эти деревенскія женщины раньше васъ пришли.

— Неправду вы говорите, — возразилъ я: — я пришелъ одновременно съ тѣми женщинами, у которыхъ вы раньше отобрали книжки, а эти послѣднія подошли послѣ меня.

— Позвольте доложить вамъ, батюшка, что я привыкъ вѣрить своимъ глазамъ, а не чужимъ, — раздраженно отвѣтилъ чиновникъ.

Видя, что послѣдній начинаетъ заирать и повидимому готовъ наговорить всякихъ грубостей, я подавилъ въ себѣ чувство недовольства и замолчалъ. Окружающій деревенскій народъ хорошо, конечно, понялъ вызывающій тонъ чиновника по отношенію ко мнѣ, а потому не безъ любопытства поглядывалъ то на меня, то на чиновника.

Минуть черезъ 5 послѣ этого, вдругъ съ шумомъ влетаетъ прямо за барьеръ одна молодая интеллигентная женская особа, которой тотчасъ же любезно былъ предложенъ стулъ около того самого стола, предъ которымъ толпились деревенскія женщины и я. У завѣдующаго столомъ чиновника при появленіи этой особы сразу расправились суровыя черты фізіономіи и онъ заискивающе предложилъ ей свои услуги.

Пока чиновникъ изощрялся въ любезностяхъ съ этой сознательной особой, а послѣдняя рисовалась своей прогрессивностью, я, грѣшный человѣкъ, опять не стерпѣлъ, и, не обращая ни къ кому лично, вслухъ сказалъ:

— Да, теперь вполне можно убѣдиться, что въ арзамасскомъ казначействѣ дѣйствительно, не въ примѣръ другимъ, процвѣтаетъ самая строгая очередь!

Чиновникъ, перекидывавшійся любезными фразами съ сознательной особой, при послѣднихъ моихъ словахъ, вдругъ обернулся ко мнѣ и, съ тономъ нѣкоторой угрозы, произнесъ:

— Пожалуйста, батюшка, безъ замѣчаній! Этимъ вы ровно ничего не выиграете, а напротивъ проиграете!

Что я „проигралъ“ — это безспорно. Въсѣто 20 минутъ или много получаса, меня поддержали въ казначействѣ цѣлыхъ два съ половиною часа. Мало того, въ придачу къ этому, въ моемъ присутствіи, какъ бы нарочно и съ особымъ подчеркиваніемъ, дано было освѣщеніе одному, случайно подвернувше-

муся, вопросу очень обидное для всего духовенства вообще, которое мнѣ, какъ находящемуся на-лицо, тѣмъ тяжелѣе было выслушивать при народѣ.

Дѣло было такъ. Подходить къ вышеупомянутому чиновнику одна почтенная старушка и заявляетъ, что она желала бы положить на книжку сберегательной кассы 200 р. на имя причта своего села съ тѣмъ, чтобы проц. съ этого капитала по смерти ея и ея мужа навсегда получалъ означенный причтъ за поминавленіе ихъ обоихъ.

И вы воображаете, что такой вкладъ вашъ будетъ вѣчнымъ? съ ироніей спрашиваетъ старушку чиновникъ.

— А какже ваше благородіе? Я знаю, что въ церквахъ есть книжки на которыя прихожане кладутъ деньги для вѣчнаго поминавленія своихъ родныхъ

— Знаю, знаю, что кладутъ. Ну что жъ изъ этого? На свѣтъ еще не мало простаковъ, которые вѣрятъ каждому слову священника. Скажетъ послѣдній, что у него есть казенная книжка, на которую можно класть деньги для вѣчнаго поминавленія родныхъ, — ну, и вѣрятъ и кладутъ. А затѣмъ этотъ же самый священникъ, спустя нѣсколько времени, подговоривъ причтъ, перекладываетъ деньги съ этой книжки въ свой карманъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, какое вы имѣете право публично чернить все сельское духовенство въ государственномъ учрежденіи? — снова возразилъ я чиновнику. — Кто далъ вамъ право дѣлать такія кривыя и обидныя для духовенства толкованія!

— Имѣю вполне законное право дѣлать такія разъясненія, — вызывающе отвѣтилъ мнѣ чиновникъ. — Вклады на книжки съ такимъ назначеніемъ вводятъ народъ въ заблужденіе. Послѣдній въ полной увѣренности считаетъ такой вкладъ вѣчнымъ, тогда какъ любой священникъ, какъ я уже сказалъ, можетъ преспокойно вынуть его совместно съ причтомъ и раздѣлить по карманамъ, — чему и были примѣры. Вотъ поэтому то я и считаю своею обязанностью раскрывать народу глаза на истинный смыслъ такихъ вкладовъ на книжки.

Вотъ вамъ и государственное учрежденіе! Вотъ какъ „разъясняютъ“ въ нихъ народу! Лѣвая печать и думскія стенографическія рѣчи лѣвыхъ вожаковъ сдѣлали то, что служителямъ алтаря не только на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ грозитъ опасность быть постоянно оскорбленными, но и въ такомъ государственномъ учрежденіи, какъ казначейство, имъ начинаютъ также теперь читать при народѣ „товарищескія“ аттеста-

ціи. Прежде было, конечно, такъ, что въ такихъ государственныхъ учрежденіяхъ народъ научался лишь добрымъ примѣрамъ вѣжливости и почтенія къ своимъ пастырямъ. Но теперь въ этомъ отношеніи все пошло на смарку: нынѣшняя „освободительная прогрессивность“ обязательно требуетъ отъ каждаго сознательнаго адепта, чтобы онъ питалъ къ духовенству лишь чувство „гражданскаго презрѣнія“ и ненависти, — и ничего больше.

O tempora, o mores!

Въ особенности неуважительное отношеніе къ священникамъ было проявлено, какъ уже сообщалось, въ Бѣлградѣ во время сентябрьскихъ торжествъ. Благочинный Воронежской губ. свящ. Ѳ. П. пишетъ въ томъ-же „Колоколѣ“.

Больно помнить, стыдно признаться и открыто повѣдать, что я, прибывъ въ г. Бѣлгородъ 2 сентября съ 2000 богомольцевъ изъ Воронежской губ. въ поѣздѣ 4-го класса, не только не могъ въ теченіе 3 дней свободно пройти во дворъ монастыря, но даже позорно былъ удаленъ стражникомъ отъ южныхъ воротъ на другую улицу, и только послѣ усиленной просьбы, едва удостоился постоять подъ топодемъ, около западныхъ дверей монастырской стѣны, во время обнесенія мощей святителя Іоасафа.

Но такое возмутительное лишеніе возможности побывать въ соборѣ при важнѣйшемъ для пастырей событіи открытія мощей, еще не все; это можно-бы объяснить важными временемъ и обстоятельствами, если бы не пришлось еще увидѣть, услышать и испытать, притомъ же всенароднаго гласнаго и открытаго отъ стражниковъ издѣвательства, глумленія и поношенія надъ священниками.

Какъ такое позорное посрамленіе и поношеніе духовенства, въ минуты прославленія святителя Іоасафа, отзовется въ умахъ добросердечныхъ богомольцевъ и насколько глубоко западетъ въ сердца пастырей, рѣшать не берусь, но на меня такое дерзкое обращеніе полиціи съ священниками произвело такое ошеломляющее дѣйствіе, что я даже долго не могъ опомниться и ясно представить себѣ, гдѣ я, что творится вокругъ меня, съ моими братьями священниками, за что и почему ихъ гонятъ отъ монастырскихъ стѣнъ и глумятся надъ ними? Словно кошмаръ, туманъ охватилъ меня; и, только по приѣздѣ въ г. Курскъ 5-го, я, услышавъ отъ кондуктора привѣтствіе „батюшка“ и почтительное вниманіе, опомнился и первый разъ вздохнулъ свободно отъ полицейскихъ издѣвательствъ.

Что-же удивительнаго, что нѣкоторые родители изъ духовенства сами не желаютъ пускать своихъ дѣтей въ духовное званіе. Вотъ что пи-

шетъ въ томъ-же „Колоколѣ“ одна духовная „мать“.

Да, правда — наши дѣти уходятъ отъ насъ, уходятъ изъ духовнаго сословія. Теряются духовныя традиціи, прерывается духовный родъ многихъ поколѣній, воспитанныхъ въ духѣ религіозной церковности. Жаль, до боли жаль.. Но такова жизнь. Жизнь духовенства годъ отъ года, день отъ дня дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе. Намъ-ли винить нашихъ дѣтей, что они, видя, какъ тяжело отцамъ жить — уходятъ изъ этой жизни. У которыхъ явилась жажда знаній — пусть ищутъ ихъ. Которые учатся въ высшихъ свѣтскихъ заведеніяхъ, чтобы получить хорошія средства къ жизни — не надо укорять и ихъ. Они хотятъ освободиться отъ многовѣковой крѣпостной зависимости. Крѣпостное состояніе крестьянъ рушилось полвѣка тому назадъ, а духовенство и сейчасъ живетъ въ крѣпостной зависимости у своихъ прихожанъ. Это правда и правда неоспоримая. Вы думаете духовенство свободно? Нѣтъ и нѣтъ. Связанное матеріально по рукамъ и ногамъ своей небезпечностью и матеріальной зависимостью отъ прихожанъ, оно и духовно находится подъ гнетомъ. Все наше сословіе — люди семейные и часто многосемейные, нужда намъ болѣе чѣмъ знакома — не разстается съ нами всю жизнь. А несравненно хуже этой нужды, часто до слезъ, а часто и до зеленого змія, тяжело терпѣть рабство и униженіе отъ своихъ прихожанъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ хуже. Тѣмъ тяжелѣе. Терпимъ мы, — но пусть же наши дѣти по нашимъ согнутымъ спинамъ выходятъ на свободную жизнь. Своими мозолистыми закорузлыми въ черной работѣ руками приготовимъ имъ дорогу къ свободной жизни, потомъ и слезами польемъ ее, пусть они идутъ къ лучшей жизни. Будутъ работать и они въ своей жизни; узнаютъ и нужду и горечь жизни, отъ этого никто не застрахованъ. Но за то они не узнаютъ рабства. Не будутъ терпѣть его на себѣ, этого рабства отъ прихожанъ. За каждый мѣдный пятакъ, тяжело заработанный и физически и нравственно, не будутъ слышать укорозъ, а иногда и издѣвательства.

Церковная жизнь.

О завѣщаніяхъ монашествующихъ.

Св. Синодомъ выработанъ законопроектъ, касающійся имущества монашествующихъ. Согласно ему монашествующіе не исключая и духовныхъ властей — митрополитовъ, архіепископовъ, еписко-

повъ и т. п., не могутъ дѣлать завѣщаній, и имущество ихъ ни въ какомъ случаѣ къ родственникамъ и вообще къ наслѣдникамъ ихъ не переходитъ, а поступаетъ всегда въ монастырскую казну или въ собственность тѣхъ духовныхъ учреждений, къ которымъ эти монашествующіе принадлежали по роду своего монашескаго служенія или въ коихъ жили предъ своею кончиною. Исключеніе изъ положенія дѣлается лишь для преосвященныхъ относительно распоряженія о распредѣленіи послѣ ихъ смерти ризничныхъ вещей между тѣми или иными духовными учреждениями по своему усмотрѣнію. Первоначально было предположено предоставить преосвященнымъ право дѣлать распоряженія не только относительно ризничныхъ вещей, но и относительно принадлежащихъ имъ библиотекъ, но затѣмъ это предположеніе исключено. Законопроектомъ вносятся такъ нѣкоторыя измѣненія въ порядокъ описи оставшихся послѣ монашествующихъ властей имуществъ. По нынѣ дѣйствующему закону, при этой описи обязательно должны присутствовать гражданскіе чиновники и наслѣдники, по новому же проекту самая опись производится только въ присутствіи назначенныхъ духовнымъ начальствомъ лицъ. („Колок.“).

Увеселенія подъ праздничные дни.

Оберъ-прокуроромъ Св. Синода еще въ маѣ 1909 года сообщено было министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями пожеланіе Св. Синода о воспрещеніи устройства различныхъ увеселеній въ учебныхъ заведеніяхъ подъ праздничные и воскресные дни и въ теченіе Великаго поста. Вопросъ этотъ въ концѣ минувшаго лѣта внесенъ былъ на разсмотрѣніе совѣта министровъ. При обсужденіи въ совѣтѣ этого пожеланія оберъ-прокуроръ Св. Синода В. К. Саблеръ, какъ передаетъ „Нов. Вр.“, разъяснилъ, что синодальное воспрещеніе имѣетъ въ виду лишь устройство такихъ увеселеній, которыя по характеру своему не совмѣстимы съ церковнымъ значеніемъ кануновъ праздничныхъ и воскресныхъ дней и великопостнаго времени, посвящаемыхъ богослуженію, и не простирается на духовные и музыкально-вокальные концерты, литературныя чтенія и другія удовольствія такого же характера. Совѣтъ министровъ постановилъ пожеланіе Св. Синода принять къ руководству по всѣмъ вѣдомствамъ.

Вознагражденіе священниковъ-оцѣнщиковъ по взаимному страхованію.

Нѣкоторыя изъ дух. консисторій, представляя въ страховой отдѣлъ духовнаго вѣдомства акты о пожарахъ, просили отдѣлъ возмѣстить благочиннымъ и священникамъ, участвовавшимъ въ изслѣдованіи причинъ пожара и опредѣленіи причиненныхъ пожаромъ убытковъ, расходы, которые

пришлось этимъ лицамъ понести при поѣздкахъ, т. к. въ изданной инструкціи благочиннымъ, утвержденной опредѣленіемъ Св. Синода отъ 18 мая 1905 года за № 2282, указывается, что путевые расходы священниковъ, приглашаемыхъ для указанной выше цѣли, должны быть относимы на счетъ суммъ страхового сбора. Св. Синодъ призналъ въ настоящее время необходимымъ установить, что прогонныя деньги благочиннымъ или замѣняющимъ ихъ по страховому дѣлу священникамъ, принимающимъ участіе въ ликвидаціи пожаровъ, а равно и вообще всѣмъ приглашаемымъ для указанной цѣли духовнымъ лицамъ, должны быть выдаваемы: если поѣздка совершается по желѣзной дорогѣ или пароходомъ, то въ размѣрѣ стоимости билета второго класса; суточные же деньги должны выдаваться въ размѣрѣ шестидесяти коп. въ сутки, полагая однѣ сутки за пятидесятиверстное разстояніе и принимая части сутокъ за цѣлыя сутки.

— Въ страховой отдѣлъ поступаютъ изъ дух. консисторій акты о возмѣщеніи убытковъ по случаю поврежденій, произведенныхъ въ церковныхъ строеніяхъ ударомъ молніи, безъ дѣйствія огня. Св. Синодъ, принимая во вниманіе, что страховыя учрежденія обязаны вознаграждать за убытокъ только отъ огня,—призналъ, что убытки по случаю поврежденій, безъ дѣйствія огня, ударомъ молніи, не подлежатъ возмѣщенію.

„Колок.“

Извѣстія и замѣтки.

— **Заговоры болѣзней въ нашемъ народномъ быту.** Хотя подача медицинской помощи въ нашей деревнѣ стоитъ въ настоящее время уже на значительной высотѣ, и почти всякій больной изъ крестьянъ безпрепятственно можетъ получить медицинскій совѣтъ въ ближайшей земской больницѣ или у волостного фельдшера, однако народъ нашъ при всякомъ удобномъ случаѣ еще не брезгаетъ и своими домашними средствами и не прочь обратиться за помощью къ какой-либо бабѣ шептухѣ или старику знахарю. У этихъ послѣднихъ можно найти еще цѣлую аптеку разныхъ травъ, цвѣтовъ и кореньевъ, которые они употребляютъ отъ тѣхъ или другихъ болѣзней. Мята, ромашка, „любыстокъ“, липовый цвѣтъ, васильки и другіе цвѣты играютъ въ народной медицинѣ еще громадную роль. При этомъ больныхъ или купаютъ въ этихъ травахъ, или даютъ пить настой изъ нихъ, смотря по роду болѣзни. Самымъ излюбленнымъ и покойнымъ мѣстомъ у нашихъ крестьянъ для больныхъ является печка. Туда обыкновенно высаживаютъ больного, парятъ его тамъ и сверху

прикрываютъ его еще кожухами, такъ что, благодаря въ такомъ случаѣ сильной испарѣ, крестьяне очень часто излечиваются отъ простуды.

Кромѣ указанныхъ, у нашихъ крестьянъ практикуются еще такъ называемыя симпатическія средства отъ нѣкоторыхъ болѣзней. Напримѣръ въ случаѣ вывиха руки перевязываютъ ее у кисти красною ниткой. Отъ бородавокъ лечатся иногда такъ, что завязываютъ на веревочкѣ столько узловъ, сколько бородавокъ на рукѣ, и веревочку закапываютъ въ землю; вслѣдъ за этимъ по вѣрованію народа, должны исчезнуть и бородавки Или другое средство: берутъ волосъ, подкладываютъ его подъ ушатъ для помоевъ, и подержавши тамъ немного, перевязываютъ имъ потомъ бородавки, отъ сего они пропадаютъ. Очень оригинальное средство употребляется иногда нѣкоторыми бабами отъ лихорадки. Отсчитываютъ 77 зеренъ проса, такъ какъ, по мнѣнію народа, есть 77 видовъ лихорадки, и завязываютъ ихъ въ платочекъ, а вмѣстѣ съ ними и въ одинъ узелокъ „два гроші“ и „вязочку бублыкѣ“. Все это больной утромъ до восхода солнца долженъ отнести до найдалшей отъ села „фігуры“ (придорожнаго креста), произнести тамъ „Отче нашъ“ и, оставивши узелокъ, возвратиться домой. Если у кого бываетъ на рукѣ такъ называемая мертвая косточка, то чтобы избавиться отъ нея, нужно, когда звонятъ „по душѣ“ три раза подавить ее со словами: „аминь, аминь, аминь“ и она исчезнетъ или совѣтуютъ прикладывать къ ней горячій хлѣбъ, только что вынутый изъ печки. У крестьянскихъ дѣтей очень часто на лицѣ, особенно около рта, отъ нечистоплотности появляются струппя, которые сначала бываютъ небольшими, а потомъ значительно распространяются по лицу. Эти струппя крестьяне называютъ „вогныкъ“. Для леченія ихъ они обыкновенно сжигаютъ нѣсколько зеренъ фасоли, растираютъ ее въ порошокъ, смѣшиваютъ съ молодой сметаной и смазываютъ этой смѣсью. При насморкѣ бабы очень часто подкуриваются пшеномъ или куриными перьями, при чемъ бросаютъ то и другое на раскаленный уголь въ мискѣ, накрываются большимъ платкомъ и стараются носомъ втягивать вонючій дымъ. Иногда медицинскія средства крестьянскихъ бабъ принимаютъ форму настоящихъ истязаній. Такъ, отъ желудочныхъ болей или отъ какихъ либо специально женскихъ болѣзней онѣ кладутъ больному или больной, горшокъ на животъ отверстиемъ внизъ, при чемъ приподнимаютъ его и быстро бросаютъ въ него кусокъ зажженного „коча“. При опусканіи горшокъ втягиваетъ въ свое отверстие тѣло и производитъ такую боль, что больной стонетъ и кричитъ, какъ говорится, не своимъ голосомъ. Иногда горшокъ прямо значительно нагрѣваютъ въ печкѣ и прикладываютъ отверстиемъ къ животу, и дѣйствіе бываетъ при этомъ подобное предыдущему. Не мало также до-

вольно тяжелыхъ манипуляцій продѣлываютъ бабы роженицамъ во время трудныхъ родовъ. Во время родовыхъ потугъ иногда водятъ ихъ по хатѣ, а то привязываютъ за руки къ „жерткѣ“—деревянной перекладинѣ надъ кроватью—и при этомъ трясутъ ею. Понятно, что роженицы испытываютъ при этомъ нечеловѣческія муки. Очень также жестокой способъ практикуется у нашихъ крестьянъ въ случаяхъ укуса кого-нибудь бѣшеной собакой: раны причиненныя собакой, обыкновенно выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ; смотрятъ больному подъ языкъ, и если тамъ оказываются бѣлые прыщички, то говорятъ, что это „щенята“, и также выжигаютъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Особый родъ медицинскихъ народныхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней представляютъ такъ называемые заговоры. Вообще у людей, стоящихъ на очень низкой ступени развитія, болѣзни олицетворяются и изображаются въ видѣ живыхъ существъ, которыя входятъ въ людей и овладѣваютъ на нѣкоторое время ими. Отсюда народныя выраженія. „пречипилась слабѣсть“, „влзла слабѣсть“. Вотъ тутъ-то придумываются средства, которыми можно-бы изгнать ихъ изъ больного. Къ нимъ и нужно отнести извѣстнаго рода заговоры въ формѣ большею частію стиховъ, которымъ и приписываютъ силу изгнанія болѣзней, Это своего рода магическія слова, произнесеніе которыхъ производитъ извѣстное дѣйствіе. Въ нихъ выразилось извѣстнаго рода народное творчество, обнаружилась себя своеобразная народная фантазія. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены своего рода юмора и ихъ нельзя безъ улыбки слышать. Вотъ, напри- мѣръ, такъ называемая „відмова“ вообще отъ болѣзней и отъ разнаго рода порчи:

„Біг пес
Через попів овес
Тай заросився,
Встав, обтрусився.
Як не ваділо вівсові
Як не шкоділо псові,
Так шоб не шкоділо рабі Божі“ (имя-
рекъ).

Варіантъ къ ней: „Біг пес через міст,
Штире нозі пятій, хвіст.
Як не шкодило мостові,
Як не шкодило псові,
Так шоб не шкодило рабі Божі“ (имя-
рекъ).

Самый распространенный заговоръ отъ икотки:

„Гикалко, гикалко,
Іди собі в воду,
Напади чи вола, чи коня,
Чи рабу корову,
Чи жидівку здорову“.

Самыя формулы заговоровъ составляютъ своего рода тайну и секретъ бабъ шептухъ, и вы-

вѣдать ихъ отъ нихъ иногда нѣтъ никакой возможности. Нѣкоторыя изъ нихъ того мнѣнія, что заговоры сообщаемые другимъ, вслѣдствіе этого теряютъ силу. По своей формѣ они не одинаковы, такъ какъ каждая баба привноситъ нѣчто свое. Равно не одинъ и тотъ же заговоръ употребляется при всѣхъ болѣзняхъ. Есть особый заговоръ отъ зубной боли, особый и особенно часто практикуемый отъ дѣтскихъ конвульсій, которыхъ крестьяне называютъ „поганою слабостью“ или „поганкою“. Особенно также распространены заговоры при укушеніи людей или животныхъ змѣей. Лѣтомъ это явленіе въ селахъ очень частое, такъ какъ это время скотъ большею частью проводитъ въ полѣ, гдѣ и бывають случаи укушеній. Тогда сейчасъ же ведутъ укушенныхъ къ шептунамъ или шептухамъ, и они, какъ выражаются крестьяне, „примовляютъ“, причемъ нужно это повторить нѣсколько разъ, и болѣзнь проходитъ.

При этомъ нужно замѣтить, что въ случаяхъ укушенія змѣей скота къ заговорамъ въ селахъ прибѣгаютъ даже люди интеллигентные. Такъ, это практикуется въ помѣщичьихъ экономіяхъ и даже въ хозяйствахъ священниковъ. Вообще же отъ укушенія змѣй, отъ дѣтскихъ конвульсій и отъ такъ называемой у крестьянъ „бешихи“ (рожистое воспаленіе) никакихъ другихъ средствъ, кромѣ „примови“, не практикуется. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ эта „примова“ сопровождается у бабъ-знахарекъ нѣкоторыми странными дѣйствіями. Такъ, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ какъ людей, такъ и скота практикуется дѣйствіе, извѣстное у крестьянъ подъ названіемъ „скинути вогню“. Для этого баба беретъ въ горшочекъ воды, въ „покришку“ нѣсколько горячихъ углей и, пришептывая, беретъ на ножъ уголь и бросаетъ въ горшокъ. Это дѣйствіе, вѣроятно, символически означаетъ, что какъ тухнетъ огонь въ водѣ, чтобы также потухла болѣзнь, постигшая человѣка или скотину. Въ случаяхъ испуга дѣтей, у крестьянскихъ бабъ практикуется довольно сложное дѣйствіе выкачиванія „переляку“ яйцомъ. Дѣйствіе это продолжается въ теченіе цѣлой недѣли, причемъ каждый день, утромъ баба беретъ свѣжее яйцо, катаетъ имъ по тѣлу испуганнаго дитяти съ пришептываніемъ затѣмъ разбиваетъ яйцо и выливаетъ изъ него бѣлокъ въ стаканъ съ водой. Въ водѣ бѣлокъ принимаетъ разныя причудливыя фигурки, которыя баба и объясняетъ по своему, что „перелякъ“ переходитъ въ яйцо и принимаетъ такую или иную форму. Въ послѣднемъ седьмомъ яйцѣ бѣлокъ, по мнѣнію бабъ, долженъ быть совершенно чистъ, безъ всякихъ мутныхъ пятнышекъ что означаетъ совершенное исчезновеніе испуга.

При взглядѣ на указанные нами заговоры, сопровождаемые тѣми или иными странными дѣйствіями, о нихъ нужно высказать то именно суж-

деніе, что они суть ничто иное, какъ остатки первобытной языческой жизни нашихъ предковъ, что сохранились они еще въ быту нашихъ крестьянъ, благодаря некультурности и косности послѣднихъ, и сохранились большею частію въ такъ называемыхъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ сильнѣе тьма и гдѣ крѣпче держатся всякіе остатки сѣдой старины. Но при разсматриваніи заговоровъ, главнымъ образомъ — тѣхъ формулъ или, лучше сказать, тѣхъ магическихъ словъ, въ которыхъ вся соль ихъ, нельзя не обратить вниманія на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ этимъ заговорамъ, вѣроятно для того, чтобы придать имъ больше силы, присоединяются наши общеупотребительныя молитвы, какъ: „Отче нашъ...“, „Богородице Дѣво, радуйся...“ или обращеніе къ Божьей Матери и Святымъ въ родѣ такихъ: „Пресвятая Богородице, спаси насъ...“, „Св. отче Николае, св. Пантелеимоне или св. Варвара заступи насъ“ и т. п. Нѣкоторыя же бабы уже совершенно изгнали изъ своей знахарской практики заговоры и въ качествахъ таковыхъ употребляютъ однѣ только указанныя молитвы и при этомъ выражаютъ искреннюю вѣру, что какъ Богъ поможетъ, то болѣзнь оставитъ того или другого больного. Тутъ же мы имѣемъ дѣло какъ будто съ силой христіанской молитвы, могущей исцѣлять болѣзни, а не съ обычными языческими заговорами. Какъ при внесены вообще къ заговорамъ наши молитвы, это понятно, и объясняется тѣмъ вліяніемъ, какое христіанство имѣло на весь вообще жизненный бытъ нашихъ предковъ и какъ оно мало помалу одни обряды и обычаи языческіе изгоняло, какъ вредные, а другимъ придавало свою христіанскую окраску и свой особенный духъ, такъ что отъ нихъ оставалась одна только языческая форма. Вотъ то же самое, по нашему мнѣнію, произошло и съ заговорами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣстѣ съ формулами заговоровъ, такъ сказать, уживались и христіанскія молитвы, но потомъ мало-помалу, съ пріобрѣтеніемъ большаго вліянія на народную жизнь, христіанство вытѣсняло всѣ эти языческія формулы заговоровъ и оставило однѣ только молитвы, произношеніе которыхъ и практикуется въ нашемъ крестьянскомъ быту съ цѣлью отогнать ту или другую болѣзнь.

Установивши такую естественно-историческую точку зрѣнія на заговоры болѣзней, намъ теперь необходимо рѣшить вопросъ о томъ, какое должно быть отношеніе къ нимъ современныхъ пастырей. Понятно, что отношеніе его къ заговорамъ чисто языческимъ или даже смѣшаннымъ съ христіанскими понятіями должно быть совершенно отрицательное, какъ отношеніе вообще къ знахарству, колдовству и т. п. остаткамъ языческихъ суевѣрій. Но что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ молитвой, которая служить средствомъ исцѣленія болѣзней? Каково должно быть отношеніе пастыря къ тѣмъ крестьянскимъ

бабамъ или тѣмъ старикамъ, которые, вмѣсто обычныхъ языческихъ заговоровъ, употребляютъ, какъ средство избавленія отъ болѣзней, наши общеупотребительныя молитвы и при этомъ дѣлаютъ это искренне, съ вѣрою? Неужели мы наложимъ на это запрещеніе? А что, если въ этомъ своеобразно выражается простая, но искренняя вѣра народа! Неужели мы будемъ разрушать ее? Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ мы должны припомнить то Евангельское событіе, когда ученики сказали Христу Спасителю, что они видѣли челоука, именемъ Его изгоняющаго бѣсовъ, но который за ними не слѣдовалъ, и запретили ему это дѣлать, на что Спаситель возразилъ, что не нужно было ему запрещать. Думается, что нѣкоторая аналогія между этимъ событіемъ и разсматриваемымъ нами явленіемъ есть. Равно кстати вспомнить тутъ слова св. Ап. Іакова: „молитесь другъ за друга“ яко да исцѣлѣете“... (Іак. V, 16), гдѣ прямо указывается, что обычная молитва есть средство исцѣленія отъ болѣзней. Вотъ почему и воспрещать такое употребленіе молитвъ не нужно! Намъ, пастырямъ, только необходимо провѣрять, что и какъ именно произносится крестьянскими врачевателями при изгнаніи той или другой болѣзни или въ случаѣ укушенія змѣи. Если произносятся однѣ только чистыя молитвы и притомъ съ искреннею вѣрою въ помощь Божію, то этого запрещать вовсе не нужно. Провѣрить же это не трудно, особенно на исповѣди. Очень часты случаи, когда бабы сами признаются; „я, батюшка, примовляю, може це грѣх?“ Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ спросить, что именно говорится или при больныхъ настоящая „примова“ или только молитвы.

Какъ на нѣкоторую параллель для нашихъ крестьянскихъ бабъ и стариковъ, употребляющихъ молитву, какъ средство исцѣленія отъ болѣзней, можно указать на такъ называемыхъ „заклинателей“ или экзорцистовъ, которые были очень распространены въ древней христіанской церкви. Они изгоняли бѣсовъ, при чемъ употребляли для этого особаго заклинанія и молитвы. Вначалѣ заклинателемъ могъ быть всякій, кто чувствовалъ въ себѣ духовную силу изгонять бѣ-

совъ. Но спустя нѣкоторое время заклинатели были причислены къ церковному клиру, такъ что правило 25 Лаодикійскаго собора уже запрещаетъ быть заклинателемъ всякому желающему, а требуетъ для него особаго благословенія отъ епископа. Но заклинатели не только изгоняли бѣсовъ; они силою молитвы очень часто исцѣляли больныхъ, тѣмъ болѣе, что въ средѣ первыхъ христіанъ была распространена вѣра въ то, что виновниками очень многихъ болѣзней являются демоны. Итакъ древніе заклинатели не только изгоняли бѣсовъ, но силою молитвы подавали исцѣленіе и отъ болѣзней вообще. Почему же послѣ этого воспрещать и нашимъ искренно вѣрующимъ христіанамъ подавать другъ другу исцѣленіе отъ болѣзней силою молитвы, соединенной съ горячею вѣрою въ помощь Божію? („Прав. Под“)

Свящ. Н. Доорохольскій.

Печатать разрѣшается: Цензоръ
Архимандритъ Прокопій.

Редакторъ неофициальной части
Архимандритъ Митрофанъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Просфорнѣ села Бѣлостока Неонилѣ Уповичъ причитается жалованье за 1-ю половину сего года, въ количествѣ 4 руб. 61 коп., каковое будетъ выслано ей, если она сообщитъ мнѣ свой почтовый адресъ.

Благочинный, священникъ **В. Мальчевскій.**

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная: 1) И. С. Никитинъ. 2) Съ Волини въ Бѣлгородъ на открытіе мощей Святителя Іоасафа. 3) Бесѣда. 4) По епархіи. 5) Печать. 6) Церковная жизнь. 7) Извѣстія и замѣтки